
ТАЯ ГОРДЕЛИС
ИСТИННАЯ АЛЬФЫ
Не отдам своего волчонка
18+

Тая Горделис

Истинная альфы. Не отдам своего волчонка

«Автор»
2026

Горделис Т.

Истинная альфы. Не отдам своего волчонка / Т. Горделис — «Автор», 2026

— Вы можете помочь своему сыну?— Моему сыну?— Да. Ему пять лет.Мой малыш впервые обернулся в волчонка и уже три дня не может стать человеком... Чтобы спасти его, мне пришлось позвонить отцу, который даже не знал о его существовании.Я боялась, что Альфа отнимет у меня Лёву. Вот только он почему-то решил забрать нас обоих...

© Горделис Т., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 10
Глава 3 15
Глава 4 20
Глава 5 25
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Тая Горделис
Истинная альфы. Не отдам своего волчонка

Глава 1

На втором гудке Лёва вылез из-под стола и сунул нос Милане под руку. Она продолжала держать телефон у уха, а он потоптался возле её коленей и встал боком, чтобы она могла его погладить. В первый день он ещё дёргался, когда она касалась спины, и ей приходилось ждать, пока он сам подойдёт. Теперь Милана знала, куда положить ладонь, чтобы он перестал ходить из угла в угол, и Лёва тоже знал, что она это сделает.

— Я рядом, Лёв. Слышишь? — он поднял голову, и Милана заметила, что у него под подбородком ещё мокрая шерсть. Перед звонком она поила его из ладони и убрала руку, когда он отвернулся. Вчера он сам ходил за матерью на кухню, а сегодня дождался, пока она принесёт воду.

Она уже набирала этот номер сегодня. Тогда Лёва приподнялся, уткнулся ей в колени и через несколько минут уснул, а Милана сбросила вызов, решив, что ещё может подождать. Если он спит, значит, ему хоть немного легче. Она просидела рядом с ним, пока не затекла нога, и даже обрадовалась, что он не проснулся, когда пришлось встать. А потом вернулась с кухни и увидела, что он лежит с открытыми глазами и следит за дверью. Когда Милана села рядом, он упёрся передней лапой в ковёр, приподнялся и тут же лёг опять.

Ложку он тоже выбрал вчера. Милана открыла ящик и по привычке спросила, какую ему дать, а Лёва сунул туда морду и ткнулся в ручку с зелёной лягушкой. Он всегда выбирал лягушку, даже когда Милана предлагала ему большую ложку, чтобы съесть суп побыстрее и успеть досмотреть мультик. Милана положила её возле чашки, поставила чашку на пол и увидела, как Лёва сунул в неё нос и чихнул. Он отскочил с таким возмущённым видом, что она засмеялась. Ей ещё удавалось смеяться рядом с ним, и он подошёл обратно, хотя к чашке больше не притронулся.

— Иди сюда, попробуем из руки, — Милана села на пол и набрала воды в ладонь, а он попил и вытер морду о её домашние брюки. Ложку потом утащил в комнату. Она так и лежала на ковре ручкой кверху, и теперь, пока шли гудки, Милана могла дотянуться до неё с дивана. Лёва даже не посмотрел в ту сторону.

Вчера он ещё прибежал, когда тётя Глаша позвала его с лестничной площадки. Милана едва успела перехватить его и вышла к соседке одна. У тёти Глаши была тарелка с пирогом, накрытая салфеткой, и она с порога заглянула за плечо Миланы. Обычно Лёва ещё на лестнице узнавал, что та принесла, и просил отломить краешек прямо у двери. В этот раз пирог она взяла сама и прикрыла за собой дверь.

— Приболел, что ли? Два дня вас не видела, — тётя Глаша сняла салфетку и показала край пирога, подрумянившийся там, где тесто прижалось к форме. — Тут его любимая корочка. Я специально отрезала с краю.

— Приболел. Вы в следующий раз постучите, ладно? От звонка он просыпается, — Лёва скребнул лапой по двери, и Милана взялась за ручку. Ей пришлось удержать её, когда с той стороны он навалился на дверь всем телом.

Тётя Глаша ушла, пообещав ещё испечь. Милана вернулась к Лёве, и тот побежал за ней на кухню. Она отломила ему корочку и протянула, а он взял её так осторожно, что зубами даже не задел палец. Кусочек тут же выпал у него из пасти. Лёва посмотрел на мать и во второй раз

за корочкой не потянулся. Она села рядом прямо на плитку и заплакала, пока он ходил возле её коленей, а потом убрала тарелку и решила, что сможет вернуть её завтра. Если Лёва обернётся обратно, они пойдут вдвоём, и он сам попросит тётю Глашу испечь ещё. Вчера Милана всерьёз думала, что к этому вечеру они успеют вернуть тарелку.

Он подставил ей шею, и Милана почесала за ухом. Лёва с готовностью прижался к её ноге, и ей снова захотелось отложить телефон хотя бы до того момента, когда он уснёт. Она могла дождаться и позвонить из кухни. Там можно было говорить о нём как угодно, а здесь он слышал каждое слово и затихал, стоило ей назвать его по имени. Лёва посмотрел на неё, и Милана оставила телефон у уха. Если Галина Петровна подойдёт, она спросит прямо. Она уже три дня ждала, что удастся обойтись без этого звонка.

— Слушаю, — Милана посмотрела на экран. Номер она набрала верно, хотя ещё надеялась увидеть ошибку в последних цифрах и перезвонить туда, где ей ответит женщина.

Ольга дважды сбилась, пока диктовала ей этот номер, и велела повторить всё с начала. Милана повторила, а потом спросила, кто такая Галина Петровна. Сестра улыбнулась. Милана и сейчас могла вспомнить, с каким удовольствием она произнесла имя, хотя до этого торопилась и заговаривала о другом всякий раз, когда Милана пыталась спросить про роды. Галину Петровну она назвала по имени и отчеству, а про всех остальных в том доме говорила так, что у Миланы пропадало желание расспрашивать.

— Если с ним случится что-то волчье, позвони ей. Она знает, к кому обратиться, — Ольга держала Милану за руку, пока та не убрала бумажку. Милана пообещала позвонить, хотя тогда ещё думала, что, если им когда-нибудь понадобится этот номер, Ольга сама возьмёт трубку и всё объяснит.

Листок пролежал в коробке пять лет. Лёва успел нарисовать на нём синюю звезду, когда Милана разложила на столе документы и оставила фломастер без колпачка. Она застала его за тем, что он примерялся дорисовать вторую, и вовремя убрала бумажку. Свидетельство о рождении он тогда тоже хотел украсить, но там, к счастью, было скользко, и фломастер оставил только одну бледную черту. Милана вспомнила это, когда доставала номер, и проверила, на месте ли свидетельство. Оно лежало там, куда она его положила. В графе «мать» по-прежнему стояло её имя, а помогало ей это сейчас примерно так же, как синяя звезда в углу листка.

— Добрый вечер. Могу я поговорить с Галиной Петровной? — Милана чуть было не добавила «если я правильно попала», но тут же подумала, что если она сейчас извинится и повесит трубку, другого номера у неё всё равно нет.

— А кто её спрашивает? — мужчина говорил негромко. Милана собралась назвать себя, но её имя могло ему ничего не сказать, и тогда пришлось бы объяснять всё с начала.

— Я сестра Ольги. Она когда-то работала в доме Старовых, — мужчина молчал, и Милана попробовала вспомнить, говорила ли сестра, что Галина Петровна жила одна. — Если она дома, позовите её, пожалуйста.

— Галина Петровна умерла, — на имени он запнулся и откашлялся. — Сегодня сорок дней.

Лёва подался за её рукой, когда она перестала его гладить. Милана смотрела на номер у себя на коленях и пыталась вспомнить, не называла ли Ольга ещё кого-нибудь, кроме Галины Петровны. За три дня она столько раз мысленно проделывала этот звонок, что могла бы сказать, о чём её спросят сначала и на каком месте придётся признаться, что она зря ждала. Даже придумала, что ответит, если ей велят приехать с Лёвой. Посадит на заднее сиденье, накроет одеялом и поедет, а если он забоится машины, сядет рядом и попросит кого-нибудь отвезти их. Ей оставалось узнать, куда ехать. К этому она и готовилась все три дня, пока Лёва лежал у неё под рукой и ждал, когда мать сумеет что-нибудь придумать.

— Простите, я не знала. Соболезную, — она сложила бумажку по старым сгибам, но один край загнулся внутрь, и Милана расправила его ногтем. Ольга тогда тоже сложила листок, прежде чем дать ей, и сунула его ей в руку.

— Спасибо, — мужчина мог теперь попрощаться, и Милана уже приготовилась услышать гудки, когда он спросил. — Она знала, что вы позвоните?

— Нет... Номер мне дала сестра. Давно, — у Миланы на языке вертелось «пять лет назад», но к тому времени Лёва опустил голову ей на ступню, и опять пришлось выбирать, спросить незнакомца или положить трубку. — Скажите, а вы кем ей приходитесь?

— Она меня вырастила. Роман Старов, — он больше ничего не сказал, и Милане пришлось самой вспомнить, зачем она спросила его имя. Она хотела узнать, может ли этот человек подсказать, к кому ей обратиться.

До звонка Милана думала о Галине Петровне почти как о спасении именно потому, что та могла помочь поговорить с кем-нибудь, кто знает об оборотах. Старова в этих мыслях она обходила, хотя с первого дня знала, чей зверь достался Лёве. Можно было разыскать его номер. В конце концов, он не прятался, человек известный, и даже своего имени сейчас не стал скрывать. Просто Милана пять лет жила так, что ей никогда не приходилось проверять, что будет, если отец Лёвы узнает о сыне. И сейчас она ещё могла пожелать ему доброго вечера и опустить телефон.

В садике перед праздником для пап Лёва целый вечер ходил за ней с выученным стишком и отказывался его читать. Милана сперва решила, что он забыл слова, и предложила подсказать. Тогда он объяснил, что стишок помнит, просто учить велели для папы. Из всей группы только он так и не придумал, кому его расскажет. Милана спросила, хочет ли он прочесть стишок ей, и Лёва посмотрел на неё с таким сомнением, словно ей предстояло сначала доказать, что она умеет слушать.

— А тебе всё равно медаль не дадут, — предупредил он, но потом всё-таки залез на стул, прочитал первую строчку и уставился на Милану, потому что вторую, конечно, забыл. — Мам, а дальше что?

Она подсказала. После стишка Лёва решил, что медаль им никто не мешает сделать самим, и притащил крышку от банки. Милана нашла ленточку, а потом пришлось искать и вторую крышку, потому что Лёва тоже захотел медаль. Через неделю ленточку он снял и привязал к машинке, чтобы можно было тащить её за собой по коридору. Больше о празднике не спрашивал. Милана была рада, что он так быстро забыл, из-за чего они тогда сели посреди кухни и до самого ужина мастерили эти две дурацкие медали.

Она могла рассказать об этом Старову. Могла сказать, что Лёва учился читать стишок и целый вечер хотел, чтобы у него был папа хотя бы для того, чтобы выйти с ним на сцену и вручить крышку на ленточке. В тот вечер она даже представила, как Старов будет слушать сына. А на следующий день пришлось бы представлять, что он спросит, где мальчик живёт, ходит ли в сад и с кем остаётся, когда Миланы нет дома. У Старова была семья, в которой знали об оборотах, и хватало людей, готовых прийти, если он их позовёт. Ей до сегодняшнего дня удавалось не выяснять, сколько из них ему понадобится, если тот решит, что мальчику лучше жить с ним.

— Вы меня слышите? — спросил Старов. Милана поднесла телефон обратно к уху, чтобы попрощаться, и в этот момент Лёва жалобно заскулил.

На секунду ей послышалось «мам». Лёва лежал у её ног и пытался подтянуть под себя переднюю лапу, которая соскользнула с тапка. Милана наклонилась к нему, но глаза наполнились слезами, и она промахнулась мимо спины. Тогда он приподнялся и ткнулся лбом ей в ладонь. Она замерла в таком положении, с телефоном у уха и с рукой под его головой, боясь снова пошевелиться и заставить его искать её по ковру. Лёва прикрыл глаза, и весь его вес пришёлся ей на руку.

— Что с ним? — обеспокоенно спросил Старов. Лёва шевельнул ухом и оставил голову у неё на ладони.

— Вы можете помочь? — спросила Милана. Она ещё не сказала Старову ничего о Лёве, а он уже услышал, что тому плохо. Может, волки умеют разбирать в таком звуке что-то, чего ей самой за три дня так и не удалось понять?

— Что случилось? — Старов не спросил, с кем она там сидит. Милана услышала его вопрос и наконец назвала то, что вчера пришлось скрыть от тёти Глаши, пока Лёва царапал дверь с другой стороны.

— Он три дня назад впервые обернулся и до сих пор не может обратно... — она погладила волчонка за ухом, и он приоткрыл глаза. — Вы можете помочь своему сыну?

Милане захотелось обеими руками обнять Лёву и прижать к себе, пока Старов ещё не ответил. Мальчик знал, что у него есть папа, и иногда спрашивал, где тот живёт. Если ответ ему не нравился, он мог ещё дважды переспросить и через десять минут увлечься гаражом для машин, который надо было срочно достроить. Милана каждый раз успевала подумать, что однажды он не согласится отложить этот разговор на потом. До этого вечера она не представляла, что сама наберёт номер и скажет всё при нём.

— Моему сыну? — Старов переспросил почти шёпотом. Милана ждала, что он потребует повторить или спросит, кто дал ей право так говорить, и от его голоса вдруг стало ещё труднее продолжить.

— Да. Ему пять лет. Его родила Ольга Лаврова, — она назвала фамилию, хотя, возможно, ему хватило бы одного имени. Из трубки донёсся шорох, а потом Старов опять притих.

Лёва потянулся носом к телефону, и Милана опустила трубку пониже, чтобы дать ему понюхать чехол. Он лизнул её палец. Ещё до оборота они с ним играли в телефон, сидя на диване. Лёва брал пульт, а ей отдавал расчёску и велел звонить, потому что ему пора с работы домой, а динозавры его не отпускают. На вопрос, зачем он вообще устроился к динозаврам, сын отвечал, что им некому покупать еду. Милана предлагала зайти за хлебом, и он всякий раз возмущался, потому что хлеб они не едят. В последний раз у них на всех было мясо и один банан, который Лёва оставил себе на ужин.

Старов ещё ни разу не слышал, как его сын говорит. Он не знал, что Лёва всерьёз обидится, если при нём сказать, что динозавр не умеет позвонить с работы, и будет спорить, пока этот динозавр не получит телефон. Милана едва не сказала про банан и сама удивилась, что ей вообще пришло в голову рассказать об этом сейчас. Она столько времени боялась произнести имя отца вслух, а теперь хотелось хоть на минуту дать ему увидеть Лёву таким, каким она видела его каждый день до оборота. Иначе он пока знал только, что где-то есть пятилетний мальчик.

— Где он? — резко спросил Старов. Лёва всё ещё обнюхивал её пальцы, и Милана отвела телефон, чтобы он не задел его носом.

— Со мной. Вы можете ему помочь? — Милана посмотрела на сложенную бумажку. Она собиралась назвать адрес после того, как узнает, сможет ли он помочь, и пока ещё ждала ответа.

— Где он? — с нажимом повторил Старов. Милана чуть не ответила, что прекрасно слышала его с первого раза, но Лёва положил лапу ей на ступню, и она вспомнила, как вчера подхватила его под живот, когда он полез к себе в кровать и съехал по покрывалу на пол.

Он пытался забраться сам, пока она не сняла покрывало. Потом обошёл подушку и уселся на простыне, ожидая, что она возьмёт с тумбочки книжку. Обычно Лёва сам находил нужную страницу по картинке и подсовывал книгу Милане раскрытой, чтобы она не читала с начала, но вчера сунул нос между страниц и едва не сбросил её на пол. Милана открыла книгу сама и прочла всё дважды. В первый раз он следил за ней, а во второй устроился на подушке и уснул прежде, чем она закрыла книжку.

Утром Лёва вытащил пижаму из-под подушки и поволок по полу, пока штанина не зацепилась за ножку стула. Милана помогла отцепить ткань, сложила её на край кровати и чуть не сказала, что он ещё наденет её вечером. Вчера она бы сказала. В первый день вообще успела пообещать, что, стоит ему поспать, всё пройдёт, а потом Лёва дремал у неё на животе и так же проснулся волком. Сегодня она убрала пижаму на матрас и пошла на кухню. Лёва добрался следом до порога, но дальше уже не пошёл, хотя обычно всё утро ходил у неё под ногами и требовал дать ему самому открыть холодильник.

— Лёв, — позвала Милана, на секунду забыв, что Старов всё ещё на линии. Сын потёрся носом о её колено и лёг, и она провела ладонью по его спине от загривка до плеч.

Она могла положить трубку и сейчас. Старов теперь знал, что у него есть сын, но где его искать, она ещё не сказала. Можно было убрать бумажку, набрать в ладонь воды и дождаться, пока Лёва попьёт. Потом она принесёт ему подушку, сядет рядом и будет гладить, пока не уснёт он или она сама. Утром Лёва опять попробует принести ей свою пижаму, если сумеет подняться с ковра. Милана посмотрела на его лапу у себя на ступне и подумала, что утром он ещё дошёл за ней до кухни. Сейчас она уже не могла поручиться, что ночью он дойдёт до своей кровати.

Лёва чуть приподнялся под её ладонью и снова лёг. Милана подвинулась к нему, пока колено не коснулось его бока, и заговорила в телефон, стараясь не сбиться на цифрах, которые Лёва знал, потому что на прогулке она просила его повторять адрес на случай, если он потеряется.

— Лесная улица, дом восемнадцать. Квартира сорок семь.

Глава 2

В трубке заскулил волчонок. Роман закрыл глаза, и зверь сразу рванулся на звук, словно ему оставалось перебежать из одной комнаты в другую. За эти три дня он поднимал Романа с постели, мешал работать и ни разу не дал понять, куда его так тянет. Роман мог бы спросить у женщины, чей ребёнок с ней рядом, но зверь сразу узнал сына. Роман ни разу его не видел и понятия не имел, где он сейчас, а уже злился, что между ними телефон и до мальчика через него не добраться.

— Что с ним? — спросил Роман. Он ещё надеялся услышать волчонка, однако в трубке было слышно только женщину. Она ждала помощи, и Роман едва не пообещал её прежде, чем узнал, в чём дело.

Мальчик впервые обернулся три дня назад и с тех пор оставался волком. Роман даже не успел прикинуть, сколько это для ребёнка. Именно три дня назад он проснулся без четверти два и сел в кровати, уверенный, что его позвали из коридора. За дверью было тихо, а зверь торопил его так, словно за эту минуту с детёнышем уже могло случиться что-то страшное.

В ту ночь Роман добрался до входной двери и только там сообразил, что понятия не имеет, куда ехать. Тревога зверя была ему знакома по первым оборотам в роду. Чужого детёныша волк мог учуять, когда тот был рядом, а сейчас Роман в пустом доме знал, что маленькому волку его крови нужна помощь. Он думал о Косте, потому что больше думать было не о ком. Если мальчишка и правда так рано обернулся, Виктор наверняка уже с ним. Роман вернулся за телефоном и набрал брата.

— Ром, ты совсем охренел?! На часы смотрел вообще? — Виктор возмущался вполголоса. При других он мог полчаса ждать, пока Роман закончит разговор и освободится, зато среди ночи сразу вспомнил, кто из них старший.

— С Костей всё в порядке? — Роман хотел спросить, не разбудил ли Дину, но вопрос о Косте вырвался первым. За те несколько секунд, пока брат соображал, зачем ему звонят, Роман уже успел представить, как опять спускается к двери, на этот раз с ключами от машины.

— В порядке. А что с ним должно быть? — брат проснулся окончательно. Он ещё не спросил, где младший, но Роман знал, что этот вопрос будет следующим, если он сейчас промолчит.

— Он не обернулся? Ты посмотри, Вить! — Роман надеялся, что брат просто проверит, а уже потом обзовёт его идиотом. С утра он и сам был бы готов признать, что заслужил это.

— Ты вообще в себе? Первый оборот в четырнадцать-пятнадцать! — Виктор повысил голос и тут же осёкся. Роман услышал, как тот тише добавил. — Если тебя среди ночи потянуло поспорить о волках, я тебе утром перезвоню.

— Ну я же в десять обернулся, — довод был дрянной, и Роман об этом знал. В десять он уже мог бегать за старшими по лесу и потом до ужина доказывать, что те зря отправляли его домой. Костя ещё утром просил Виктора поднять его, чтобы самому нажать кнопку звонка.

— В десять, Ром! Ему три! — брат выговорил это почти по слогам, и на его месте Роман, пожалуй, тоже начал бы с арифметики. Только зверь от неё никуда не делся. Он всё ещё ждал, когда Роман наконец перестанет разговаривать и пойдёт за детёнышем.

— Меня волк разбудил, Вить. Я знаю, как это звучит, но он уверен, что волчонку плохо. Проверь Костю, пожалуйста, — последнее слово Роман уже не стал говорить шёпотом. Если для этого нужно разбудить весь дом, пусть Виктор так и сделает, а уже потом выставит ему счёт за каждую минуту сна.

— Да он с нами спит. Носом сопит, я его отсюда слышу, — на другом конце зашуршало одеяло, и Роман услышал Дину.

— Что случилось? С Ромой всё в порядке? — жена брата уже тоже проснулась. Ещё минуту назад Виктор старался говорить так, чтобы её не разбудить.

— Да. Спрашивает, как Костя, — Виктор уже говорил без раздражения. Роман мог представить, как брат отодвигает одеяло, чтобы Дина сама увидела, что мальчик спит.

У Романа отпустило плечи. Он представил, как Костя лежит поперёк кровати и Виктор терпит пятку под боком, потому что с утра можно пожаловаться, а сейчас жаль будить. На день рождения Роман привёз племяннику машинку с открывающимися дверцами. Костя долго возил её по подлокотнику, а перед сном принёс Дине и велел уложить рядом, чтобы утром не пришлось искать. Теперь Роман мог представить и машинку под подушкой, и Виктора, которому опять некуда девать локоть. С Костей всё было хорошо. Волк, как только Роман перестал слушать брата, снова потянул его к выходу.

— Прости, что разбудил. Дине тоже скажи, ладно? — он собирался лечь и хотя бы до утра оставить Виктора в покое. Брат, однако, всё ещё был на линии, и по тому, как он позвал его по имени, Роман понял, что так легко от него не отделается.

— Ром, ты сам-то в порядке? Если надо, я приеду, — на этот раз Виктор сказал это без обычного «что ты опять натворил». Он и в детстве умел спросить так, что врать сразу становилось стыдно.

— Ложись, Вить. Я дома и никуда не еду, — утешение получилось странное, учитывая, что минуту назад Роман именно этого и хотел. Виктор всё же согласился, и тогда Роман отключился.

Спать он больше не смог. Из окна его городской квартиры, в которой он редко оставался ночевать, только когда сильно задерживался на встречах, была видна дорога до поворота, и за ночь Роман выучил, в какие окна напротив падает свет от фар, когда кто-то проезжает мимо. Первую машину он проводил взглядом, пока та не скрылась за домами, а потом поймал себя на мысли, что ждёт следующую. Разумнее было бы позвонить кому-нибудь из родных с утра и расспросить про мальчишек, которые вот-вот должны обернуться. Он даже стал перебирать имена, но зверь ни на одно не отозвался так, как отозвался бы на имя того, кого искал. Теперь Роман знал, почему ни одного подходящего имени в семье не нашлось.

Роман снова услышал женщину. Она просила помочь сыну и теперь говорила с ним как с отцом мальчика, хотя несколько минут назад собиралась закончить разговор, едва он назвал своё имя. Он переспросил, и ему самому пришлось прислушаться, чтобы разобрать, что он сказал. Волку этих объяснений давно не требовалось.

Женщина назвала возраст мальчика и имя матери. Ольга Лаврова. Роман помнил месяц, в котором они расстались, но раньше ему незачем было считать, сколько с тех пор прошло. Он мог бы спросить, знает ли Ольга, что сестра ему позвонила. Вместо этого спросил, где мальчик, и услышал всё тот же вопрос о помощи. На этот вопрос он мог ответить, когда увидит ребёнка, но женщина всё ждала чего-то от него, а в доме няни Гали стало слышно, как тикают часы над дверью. Роман спросил, где он, ещё раз. Потом услышал тихое «Лёв». Женщина позвала мальчика так, словно на несколько секунд забыла, что разговаривает по телефону, и Роман чуть не окликнул его следом, но вовремя сообразил, что ребёнок никогда не слышал его голоса и вряд ли сейчас обрадуется незнакомому человеку. Когда женщина назвала адрес, Роман запомнил его с первого раза.

Он положил трубку и дошёл до прихожей, прежде чем вспомнил про свет на кухне. Няня Галя умела заметить из соседней комнаты, что он опять оставил лампу гореть, и окликала его уже у порога. В детстве Роман иногда нарочно дожидался, пока она позовёт. Снова заглядывал на кухню и спрашивал, что ей ещё нужно, а она велела первым делом перестать разговаривать с ней как с человеком, который отнимает у него драгоценное время. Обычно после этого он оставался ещё минут на десять. В последний раз, когда она окликнула его с кухни, он действительно спешил и попросил её сказать всё, пока обувается. Оказалось, она хотела узнать, когда

они с Виктором приедут обедать. Роман назвал день и добавил, что привезёт брата, даже если за тот обед придётся потом отработать две его субботы. Галину это устроило. Спорить о том, что оба уже взрослые и давно могут сами решить, когда им видеться, она оставила им.

Сегодня уже исполнилось сорок дней, как самой близкой и родной ему женщины не стало, и Роман приехал сюда побыть один. Виктор тоже мог бы приехать, если бы он попросил. Мать умерла, когда Роману было два, а Виктору шесть, и няня вырастила обоих, подарив всю свою любовь. Брат помнил мамин голос и однажды рассказал, как она звала его завтракать. Роман тогда попросил его повторить, но Виктор засмеялся и сказал, что у него всё равно не получится так, как у мамы. Сам Роман в ответ мог бы изобразить Галину, и брат с первого слова угадал бы, кого он изображает. Он помнил, как она звала его к столу, как отчитывала за грязь на лестнице и как в первый раз позволила уйти из дома по делам отца, не напомнив надеть шапку. Он тогда счёл, что наконец вырос, а шапку обнаружил уже в машине. Галина положила её на сиденье рядом с ним, где он непременно должен был заметить.

Он вернулся на кухню и погасил свет. Ему хотелось сказать ей, куда он сейчас едет. Ещё хотелось услышать, что всё обойдётся, и он знал, что няня Галя вряд ли подарила бы ему такую роскошь. Скорее, всплеснула бы руками и стого просила бы, почему тот до сих пор стоит на кухне, если мальчик ждёт. Роман достал ключи и вышел из дома. У двери задержался ровно настолько, чтобы запереть её, а в машине набрал Лесную и выбрал восемнадцатый дом.

Через центр в этот час пришлось бы ехать мимо нескольких длинных перекрёстков, поэтому Роман свернул на объездную. Навигатор прибавил к маршруту два километра и пообещал сэкономить семь минут. Роман согласился бы и на одну. Три дня мальчик прожил волком. Он не знал, как считать такое время. Пять минут, пока у сына за дверью что-то болит, уже были бы для него поводом войти. Здесь его даже позвать не могли, пока женщина не набрала телефон Галины.

Ему самому в десять лет повезло хотя бы в том, что после первого оборота он несколько часов был собой доволен. Он столько ждал, когда у него появятся лапы, что сперва согласился бы оставить их навсегда. Бегал, пока не устал, и поначалу думал, что вечером вернётся в дом человеком. Даже придумал, как нарочно потянет время, чтобы Виктор успел увидеть, какой зверь у младшего. Тем более, что тот сам только неделю назад впервые обернулся, и поддеть старшего брата этим было слишком соблазнительно. Но к вечеру он всё отдал бы за то, чтобы снова открыть дверь рукой. Помнил, как лежал на улице на боку недалеко от входной двери их родового дома и думал, что отец давно мог бы подсказать, что с этим делать, если бы считал нужным.

— Я здесь останусь, — сказал тогда отец. Роман отвернул морду. Он был уверен, что ему сейчас велят ещё раз попробовать, хотя лапы уже дрожали даже от мысли, что надо встать. — Можешь на меня не смотреть. Всё равно останусь.

Отец действительно остался. Когда зазвонил телефон, он выключил его и обернулся, а потом лёг на землю рядом. Роман сперва хотел отползти, чтобы его оставили в покое, но вдруг подвинулся сам и прижался лбом к отцовскому лбу. Так они и лежали, пока он не перестал дёргаться и не смог снова почувствовать руки. Потом Роман сидел на земле, придерживая на плечах отцовскую куртку, и ждал, что сейчас придётся повторить всё с начала. Он ещё не понял, что оборот закончился и теперь его можно оставить в покое хотя бы до завтра.

— Мне вечером опять волком быть? — спросил он тогда. Отец посмотрел на него так, что Роман сразу вспомнил, как недавно хвастался Виктору, что при своём обороте точно сам со всем справится.

— Вечером будешь есть. До дома дойдёшь или помочь? — отец не рассмеялся, хотя Роман потом ещё долго думал, что на его месте непременно бы рассмеялся. Они дошли вместе, и отец подождал у двери, пока Роман сам нажмёт на ручку.

В десять лет Роман видел, как оборачиваются взрослые, и хотя бы знал, что с ним происходит. В пять он бы, пожалуй, ждал, пока кто-нибудь возьмёт его на руки и отнесёт домой, где всё можно исправить. Сын уже был дома, судя по тому, как женщина звала его в трубке, и всё равно третьи сутки не мог вернуться. Роман хотел расспросить её, пробовал ли мальчик обернуться сам и удавалось ли ему спать. А ещё хотелось, чтобы она оставалась рядом до его приезда. Просить об этом по телефону он не стал, и теперь был рад, что хотя бы не успел ляпнуть такую глупость. Судя по её голосу, она собиралась оставаться возле мальчика и дальше, что бы ей ни сказал Роман.

На светофоре перед ним остановилась машина с детским креслом. Из кармана на спинке сиденья высовывался игрушечный жираф, и Роман поймал себя на мысли, что пытается угадать, что его сын взял бы в машину. Костя возил с собой подаренную машинку, пока у той не отвалилась дверца. Когда Роман предложил купить другую, племянник расплакался, и пришлось чинить эту. Для Кости Роман знал даже, какую дверцу следовало искать под сиденьем. Про сына он пока знал, что ему пять лет, что у него могло быть имя Лёва и что он жалобно скулит, когда ему плохо.

Машина с жирафом повернула, и Роман поехал прямо. Он хотел спросить у Ольги, когда ребёнок начал ходить и что первым сказал. Хотел узнать, на кого он похож и есть ли у неё фотография, где он один. А ещё хотел спросить, какого чёрта она не позвонила хотя бы однажды! Номер Галины у неё был, раз сестра смогла его набрать. Ольга могла попросить передать, чтобы он приехал, и, если уж совсем не хотелось видеть его, хотя бы оставить записку. Роман бы приехал. До сегодняшнего вечера он без колебаний ответил бы любому, кто спросит, что позаботится о своём ребёнке. Теперь приходилось ехать к мальчику, который успел прожить пять лет, так и не узнав, что на него можно было рассчитывать.

На кухне у няни Ольга однажды застала его за мытьём посуды и спросила, когда он успел научиться. Роман собрался ответить, что в следующую субботу и полы научится мыть, но Галина заглянула через плечо и опередила его.

— С обратной стороны тоже вымой, а потом уж будешь гордиться. Тарелку дай сюда, покажу, где пропустил, — Ольга засмеялась и вышла из кухни, а Роман остался домывать тарелку, хотя до этого собирался уйти вслед за ней.

Ему нравилось, что Ольга начинала смеяться прежде, чем успевала подумать, не следует ли при нём сдержаться. В доме было мало людей, которые могли застать его над раковиной и потом ещё два дня вспоминать об этом при каждом удобном случае. За те годы он почти забыл, о чём они говорили в последний день, зато отчётливо помнил этот смех. Роман поймал себя на мысли, что уже ищет сходство с ней у мальчика, которого ни разу не видел, и разозлился. Ольга знала, на кого он похож. Могла хоть раз дать ему посмотреть.

По дороге на Лесную Роман решил оставить вопросы к Ольге на потом. Сначала ему нужно увидеть волчонка и убедить женщину, что она может пустить его к нему. Последнее вдруг показалось непростой задачей. Она ведь дважды спросила, сможет ли он помочь, а он так и не сказал ничего, что могло бы её успокоить. Если она и сейчас спросит с порога, придётся ответить по-человечески. Он покажет, что умеет, когда она позволит подойти к мальчику. Приказать открыть дверь было бы проще. Роман даже представил, что она тогда сделает, и решил постучать, как постучал бы любой человек, которого здесь ждут.

По дороге он ещё пытался понять, почему от первого же слова женщины зверь поднялся и прислушался. Тогда она даже не успела назвать Ольгу и никого, кроме няни, не просила позвать. Можно было подумать, что волк раньше него услышал ребёнка, но тот заскулил позже, а между этими двумя звуками Роман успел узнать, как женщина произносит «пожалуйста», когда ей очень нужно, чтобы человек в трубке сделал то, о чём она просит. Ему до сих пор хотелось снова услышать её голос. Он попробовал представить её рядом с Ольгой и понял, что совершенно не знает, похожи ли они. К волчонку он торопился с тех пор, как узнал его. Но

какого чёрта ему было так важно поскорее увидеть женщину, которую он ни разу в жизни не встречал?

На лестнице Роман прислушивался, не скулит ли волчонок. За одной дверью работал телевизор, и кто-то из квартиры через этаж позвал ребёнка ужинать. Роман поймал себя на мысли, что уже различил бы голос женщины, которая ему звонила, даже если бы она сказала всего одно слово. Потом он увидел сорок седьмой номер. Из квартиры пока ничего не доносилось. Роман остановился возле двери, где за минуту мог бы узнать, как выглядит его сын, и постучал.

Шаги послышались из глубины квартиры. Роман прислушался, надеясь разобрать, идут ли за женщиной лапы, но она приближалась одна, и возле самой двери он уловил её запах. Зверь подался к ней с таким рвением, что Роман едва не шагнул вперёд, забыв, что дверь закрыта. На миг вспомнил Ольгу и сразу отбросил эту мысль. Он знал, как она пахнет, а этот запах впервые встретил сейчас и уже не мог бы спутать ни с чьим другим. Никогда.

Роман смотрел на дверь, за которой остановились шаги, и наконец понял, кого ещё его волк услышал по телефону. Вот отчего ему так хотелось, чтобы она снова заговорила, пока он ехал к сыну. За дверью стояла его истинная, а Роман ещё даже не видел её.

Глава 3

Милана спросила через дверь, кто там, и открыла, как только узнала голос. Она встретилась с Романом Старовым глазами. Он стоял так близко, что она едва не задела его дверью, и смотрел на неё, не говоря ни слова. Милана приготовилась услышать вопрос о Лёве, но у Старова, видимо, ещё не улеглось то, что она сообщила ему по телефону. Ей бы тоже понадобилось время, если бы по телефону сказали, что у неё есть ребёнок, о котором она пять лет ничего не знала.

— Проходите, Роман, — сказала она и освободила проход. На фотографиях, которые Милана когда-то видела, он обычно стоял среди людей, и ей ни разу не пришло в голову, что в дверях её квартиры он займёт почти весь проём.

— Да. А вас как зовут? — спросил он тем же негромким голосом, который Милана слышала по телефону. Она почему-то ждала, что вблизи он будет говорить громче, и от неожиданности едва не переспросила.

— Милана Лаврова, — представилась она, хотя Роман уже знал, чья она сестра. Он посторонился, пока она закрывала дверь, и до Миланы дошёл запах хвои. Такой парфюм она бы запомнила, даже если бы человек, который им пользовался, всего один раз прошёл мимо неё на улице. У Старова, оказывается, были очень голубые глаза, и Милана с досадой обнаружила, что рассматривает его. Ей нужно было показать, где Лёва, а она всё ещё стояла в прихожей и думала, что прежде не видела у людей глаз такого цвета.

В проёме комнаты показался Лёва. Он успел высунуть морду и поставить одну лапу на порог, пока Роман стоял к нему вполоборота. Милана хотела позвать сына к себе, но заметила, что тот уже вышел сам и принюхивается. За эти дни за дверью бывало шумно, приходила тётя Глаша, кто-то возился с замком у соседей, и Лёва всякий раз знал, откуда ждать знакомого голоса. У этого человека голос он слышал один раз, из телефона, и сейчас смотрел так внимательно, что Милана промолчала и дала ему разглядеть гостя.

Старов шагнул навстречу, и Лёва спешно перебежал к ней. Устроился за ногой и выглянул с другой стороны, словно оттуда можно было смотреть сколько угодно и ничего за это не будет. Роман остановился. Милана боялась, что он пойдёт дальше, ведь мальчика он за всю жизнь видел впервые и вряд ли приехал сюда, чтобы рассматривать его с другого конца прихожей. Однако Старов остался там, где стоял, и спросил у неё:

— Как его зовут? — он смотрел на Лёву, нос которого так и торчал из-за её колена, хотя мог бы давно убежать обратно в комнату. Милана впервые за вечер сообразила, что по телефону ни разу не назвала имени сына.

— Лёва. Лев Лавров, если полностью, — сказала она и тут же пожалела о последних словах. Фамилию у неё никто не спрашивал, а она выложила её первой, словно Старов уже приготовился с ней спорить.

— Лёва, — с улыбкой повторил Роман, и мальчик пошевелил ухом. Милана видела, что Старов хочет позвать его ещё раз. Он даже приоткрыл рот, но Лёва придвинулся к ней под колено, и Роман промолчал.

— Пройдёмте на кухню. Он за мной пойдёт, — она была в этом почти уверена, хотя ещё недавно Лёва лежал на ковре и следил за ней из комнаты. Теперь он обогнал её на повороте и первым забрался под стул, с которого она обычно вставала за добавкой, когда он за ужином просил ещё. Милана села, и Лёва сразу прижался боком к её ногам.

***

В прихожей Роман успел разглядеть сына ровно настолько, чтобы понять, какой тот маленький. Дорогу до Лесной он проехал, представляя, как войдёт и сразу займётся мальчиком. Хотелось хотя бы рассмотреть его вблизи, а он и позвать-то толком не сумел. Сделал один

шаг, и Лёва спрятался за Милану. Теперь из-под стула был виден кончик уха, и Роман сел напротив, оставив между ними весь кухонный стол.

Милана на кухне пахла всё теми же сладкими печёными яблоками, которые он уловил ещё за дверью. Увидеть женщину оказалось почти таким же потрясением, как узнать её по запаху. Когда она открыла, Роман заметил тёмные от усталости глаза и медные волосы, кое-как собранные на затылке, а потом вдруг сообразил, что уже несколько секунд стоит у неё на пороге и молчит. Ему хотелось остаться рядом с ней и взять на руки сына. Ни того ни другого он пока не мог, и задал первый вопрос тем же тоном, каким привык спрашивать о делах рода.

— Он сам пробовал вернуться? — Роман посмотрел под стол. Ухо исчезло, зато теперь оттуда был виден нос.

— Я не знаю, — Милана подняла глаза. — Откуда мне знать, как это выглядит? Я вообще в первый раз увидела, как человек становится волком, когда это случилось с Лёвой!

От резких слов запах яблок изменился, и Роман уловил в нём липовый мёд. Зверь тут же подался к истинной. Ему захотелось оказаться ближе именно сейчас, когда она сидела через стол и явно готовилась ещё раз объяснить, почему от неё нельзя требовать ответа. Роман впервые в жизни был рад, что стол достаточно широкий. Если бы он сейчас придвинулся, она наверняка решила бы, что он хочет отодвинуть её от сына.

— Он спал все эти дни? — спросил Роман, и Милана перестала смотреть на него так, словно он пришёл проверить, где она ошиблась. Она глянула под стул. Лёва и оттуда умудрялся следить за ними обоими.

— Спал. Когда я с ним рядом, — сказала она. — Вчера при чтении уснул, а сегодня сам пришёл, положил голову мне на колени и задремал. Я думала, если ему удаётся спать, то, может, скоро пройдёт.

— А когда просыпается, что вы делаете? — Роман хотел знать, на что Лёва ещё отзывается, и теперь Милана даже показала ему, как именно гладит сына.

— Глажу. Он сам подставляет спину, вот здесь, между лопаток. Если не трогать, начинает ходить по комнате, — объяснила Милана, глядя под стул. — А сегодня и ходить почти перестал.

Под стулом зашуршало. Лёва высунул морду и принюхался к Роману, а потом вылез настолько, что смог лечь на живот и вытянуть шею. Роман держал руку на колене, откуда мальчик мог достать до неё носом, если решится подойти. Роман привык, что с Костей можно первым протянуть руку: тот знает, кто перед ним, и сам решает, лезть на колени или тащить дядю показывать, что успел сломать с утра. Лёва пока знал об отце только то, что тот умеет идти прямо на него по коридору. Теперь у него была возможность выяснить, что будет, если подойти первым.

Милана заметила, куда он смотрит, и подалась было вперёд, но Лёва уже коснулся носом пальцев. Щекотно стало от того, как он втягивал воздух, а потом мальчик фыркнул и глянул на Романа снизу. Он едва удержался, чтобы не почесать волчонка за ухом. В прихожей от одного шага Лёва сбежал к Милане, а теперь сам лежал рядом и мог сам уйти в любую секунду. Он остался и снова сунул нос к руке, на этот раз уже без прежней осторожности.

— Лёв, да ты сам подошёл, — Милана улыбалась сыну, словно они уже договорились, что сегодня он сделает что-нибудь хорошее и она непременно заметит. Волчонок развернул ухо в её сторону, но от руки не отодвинулся.

Роман собирался спросить, пил ли Лёва сегодня и не было ли у него жара, а вместо этого подумал об Ольге. Он всю дорогу рассчитывал, что она где-то рядом, и уже успел решить, что выяснять отношения они будут потом, когда мальчику станет легче. В квартире он чувствовал только Милану и Лёву. Если Ольга вышла, пока они говорили по телефону, ей наверняка уже сообщили бы, что он едет. Он спросил о ней, прежде чем успел вспомнить, что мальчик слышит каждое слово.

— Где Ольга? Она скоро вернётся? — спросил Роман. Милана посмотрела на него, и он понял, что задать второй вопрос ему следовало после ответа на первый.

— Оля умерла вскоре после родов, — сказала она. — Лёва со мной с самого рождения.

Роман приготовился услышать, что Ольга не хочет его видеть. Ещё могло оказаться, что она с утра куда-то уехала и ничего о его приезде пока не знает, а Милане придётся самой ей позвонить. Он перебрал по дороге столько вариантов, что теперь несколько секунд смотрел на женщину напротив и ждал продолжения, в котором хоть один из них окажется возможным.

В последний вечер Ольга сказала, что нашла другую работу, и сама предложила расстаться, пока он подбирал слова. Он выдохнул тогда с таким облегчением, что запомнил это лучше, чем её голос. По дороге сюда ему хотелось спросить, почему она ни разу ему не позвонила. А теперь он вспоминал, как вышел после разговора и обрадовался, что всё получилось проще, чем он боялся. Ольга тогда уже ждала ребёнка. Роман посмотрел под стол, где Лёва привалился к ноге Миланы, и едва не спросил, была ли она рядом с сестрой в тот день. Ему хотелось узнать хоть что-нибудь о том, как появился на свет сын. Вопрос можно было задать потом, когда Лёва перестанет лежать на полу и слушать, как они говорят о его матери.

— Вы с ним вдвоём живёте? — спросил Роман. Он видел два стула, стол, за которым едва помещались бы трое, и Лёву под этим столом. Мальчик устроился вплотную к её ноге. Мать Роман и сам помнил только по рассказам, и ему вдруг стало неловко, что он спросил об Ольге при Лёве.

— Вдвоём, — ответила она. — Если хотите что-то спросить про Лёву, спрашивайте у меня. Я знаю, что с ним было за эти пять лет.

Роман посмотрел Милане в глаза. Он знал, как зовут мальчика, и полагал, что сможет помочь ему обернуться. Она знала, как он засыпает, как просыпается и что меняется в нём за день, если ему нездоровится. Ему хотелось услышать всё, вплоть до того, сколько времени она вчера читала, прежде чем Лёва уснул. Он даже открыл рот, собираясь спросить именно об этом, и тут заметил, что мальчик перестал принюхиваться и уронил голову на лапы. Роман уже видел, как выглядит волк, который слишком долго пытается вернуться. В десять лет он лёг на землю с таким же желанием, чтобы хоть на минуту от него перестали чего-то ждать.

— Так вы можете ему помочь? — спросила Милана. Лёва услышал её и потянулся к ноге, но головы уже не поднял.

— Мне нужно обернуться, — сказал Роман. Милана посмотрела на свободное место у двери, где взрослому мужчине было бы тесно даже просто лечь во весь рост. — Есть комната, в которой я смогу это сделать?

— Есть. Пойдёмте, — предложила Милана, и Лёва тут же поднялся следом. Под столом он лежал так, словно не сможет двинуться с места, а теперь выбрался сам и дошёл за Миланой до двери комнаты. Роман пошёл за ними и на этот раз держался чуть позади, чтобы Лёва мог оглядываться и видеть, где он.

Между диваном и столом волк мог улечься, оставив проход к двери. Роман выбрал это место сразу. Лёва привык бежать к матери, когда пугался, и Роман хотел, чтобы мальчик мог до неё добраться. Себя мальчишкой он прекрасно помнил. Когда отец впервые обернулся рядом, Роман сперва даже обиделся, что тот оказался таким большим. И это был отец, которого он знал всю жизнь.

— Лёв, иди ко мне, — позвала Милана из коридора. Мальчик потянулся к ней, но у самого порога остановился и обернулся. Она подождала и позвала ещё раз. Лёва переступил передними лапами, а потом остался стоять в комнате, весь подавшись вперёд от любопытства.

— Не бойтесь, я не причиню вреда своему сыну, — сказал Роман. Он ещё по дороге пытался придумать, как заговорит с женщиной у двери, и ни в одном из тех разговоров так просто не называл Лёву своим сыном. Сейчас ему хотелось сказать то же самое ещё и мальчику, если бы тот мог понять, что это значит.

Милана посмотрела на него. Роман думал, что она снова позовёт мальчика, но Милана кивнула и вышла. У порога она задержалась ровно настолько, чтобы Лёва мог уйти вместе с ней. Волчонок проводил её взглядом, и когда дверь прикрылась, даже шагнул за ней. Роман ждал, что тот сейчас заскребётся и придётся звать Милану обратно, но Лёва повернулся к нему и сел, привалившись боком к косяку. Можно было подумать, что он сам решил занять место, откуда в случае чего до мамы ближе всего.

Роман снял одежду и обернулся у дивана. Зверь давно хотел выйти, и теперь первым его порывом было подойти к детёнышу. Лёва опустился на пол, перевернулся на спину и поджал лапы. Живот у него оказался чуть светлее чёрной шерсти на боках и при каждом вдохе поднимался так часто, что Роман лёг, удержавшись от желания сразу придвинуться вплотную.

Лёва лежал смирно и следил за ним и время от времени шевелил передней лапой, словно собирался перевернуться и никак не решался. Волк потянулся и ткнулся носом ему в мохнатую щёку. Волчонок дёрнул ухом. Роман лизнул его по морде и снова выждал, а Лёва вытянул шею и принюхался, как делал на кухне, когда между ними ещё был край стула. На этот раз он сам дотянулся до носа отца и лизнул его в ответ. Роман остался лежать, пока сын устраивался на боку и придвигался к нему ближе уже без всякой спешки.

***

Милана приоткрыла дверь и увидела, как Лёва лизнул чёрного волка в нос. Видела и раньше, как сын способен подружиться с кем угодно, если ему дать время присмотреться, но за дверью она до последнего ждала, что придётся зайти и забрать его. Теперь Лёва лежал возле Романа и даже не оглядывался. Большой волк повернул голову на скрип двери, и Милана увидела голубые глаза, те самые, которые поразили её в прихожей. Ей понадобилось ещё мгновение, чтобы заметить, сколько места он занимает, даже когда лежит.

Ещё из коридора ей пахнуло хвоей. В комнате хвоей пахло уже совсем отчётливо, и за ней Милана едва уловила апельсин. Надо же было так надушиться, что и волк теперь пахнет! Ей почти удалось усмехнуться, пока Роман лежал на полу. Потом он перенёс вес на передние лапы, и Милана крепче взялась за ручку. Вдвоём с сыном они могли растянуться на этом ковре и разложить вокруг все игрушки из коробки. Сейчас на нём лежал один волк, и от дивана до его лап Милане предстояло пройти так близко, что пришлось бы смотреть под ноги.

Лёва наконец заметил её и поднялся. Он мог бы остаться рядом с Романом, который так терпеливо лежал возле него и даже теперь не шевелился. Но мальчик пошёл к Милане, и ей пришлось отпустить ручку, чтобы самой сделать эти несколько шагов к дивану. Сын привалился к коленям, как делал всегда, когда мать садилась рядом, и она погладила его между лопаток. Лёва подался под ладонь, и Милана почувствовала, как долго сдерживаемые слёзы снова подступают. Она вытерла щёку о плечо и продолжила гладить сына. Ей было радостно за сына, и одновременно страшно оттого, что кто-то ещё сумел успокоить его за те несколько минут, которые она простояла в коридоре.

Роман поднялся и подошёл сам. С дивана Милана видела, что волчья голова почти на уровне её плеча. Роман обнюхал пальцы и коснулся их носом, а Милана вздрогнула. Большой волк замер возле дивана, а Лёва вдруг сунулся между ними, потеревшись мордой сразу о мамину ладонь и об отцовский подбородок. Милана подняла руку и погладила Романа между ушами. Шерсть там оказалась мягкой. Он чуть опустил голову, и она провела ладонью ещё раз, поймав себя на мысли, что ей хочется погладить его ещё. Это было совсем некстати, и Милана порадовалась, что Лёва в ту же секунду полез к ней, требуя, чтобы она снова занялась им.

Но вдруг сын взвизгнул и припал на передние лапы, задрав зад так высоко, что Милана чуть не рассмеялась. Утром, когда он перестал ходить за ней на пятам, она пообещала себе, что будет рада, если к вечеру он хотя бы сам поднимется с ковра. Сейчас он отскочил от дивана и опять поклонился Роману, едва удержавшись на лапах, а потом подбежал к нему сам. Большой

волк лизнул его в морду, и Лёва, уже собравшийся отскочить, остался стоять. Роман опустил голову и прислонился лбом к его лбу.

Так они простояли несколько секунд. Лёва перестал вилять хвостом и прижался к отцу. Милана ждала, что большой волк отодвинется, но тот остался рядом, когда у Лёвы задрожали лапы. Она подалась вперёд и чуть не выкрикнула его имя. В первый раз, три дня назад, он искал её глазами и сумел выговорить «мам» ещё до того, как ей стало ясно, почему он больше не может встать. Теперь Милана видела, что он опирается на отца всем телом, и осталась на диване, где Лёва мог её видеть, если захочет поднять голову.

Он лёг на бок. Передние лапы подтянулись к груди, и Милана вдруг увидела пальчики, которые Лёва пытался разогнуть. Она опустилась рядом с ним на пол и подхватила мальчика, когда тот потянулся к ней и ещё не смог сесть сам. У него были тёплые колени, растрёпанные волосы и полоска от ковра на щеке. Милана крепко прижала сына к себе, плача от радости. Он открыл глаза и посмотрел на неё, а Милана наклонилась, когда он шевельнул губами.

— Мам...

Глава 4

— Мам, я пить хочу, — попросил Лёва и потянулся к её плечу, чтобы сесть. Милана помогла ему и вдруг рассмеялась, хотя ещё не успела вытереть слёзы. Она три дня носила за ним миску с водой по всей квартире и радовалась, когда он хоть немного пил. Теперь он мог сказать, чего хочет, и от радости она едва не прослушала, как он повторил просьбу.

Стакан стоял на кухне с утра, всё там же, куда она его поставила, когда собралась завтракать. Милана налила свежей воды и вернулась к сыну. Он выпил половину, обеими руками держа стакан, и отдал ей, а губы вытер о край пледа, которым она его укрыла.

— А ещё можно? У меня во рту шерсть, — пожаловался он и провёл языком по верхней губе. Милана знала, что от этой жалобы ей ещё долго будет смешно и больно разом. Сейчас она дала ему допить и собралась за пижамой, но Лёва прижал плед к подбородку и вцепился в её рукав.

В углу гостинной стоял Роман, уже в брюках и рубашке, с расстёгнутым воротом. Пока она ходила на кухню, он успел обернуться и одеться, и теперь на него было странно смотреть. Милана слишком хорошо помнила, как огромная чёрная голова послушно опустилась под ладонью. Гладить мужчину по волосам она бы ни за что не стала, а сейчас невольно посмотрела, в каком месте коснулась бы его, сделай она это снова. Тут Роман перевёл взгляд со стакана на неё, и Милана поспешила подняться.

— Я принесу пижаму. Ты пока посиди, ладно? — попросила она Лёву и вышла в соседнюю комнату. Пижама лежала на краю кровати с той ночи, когда Лёва обернулся. За эти три дня Милана несколько раз собиралась убрать её с глаз, а утром даже расправила рукав.

Лёва взял кофту и попытался натянуть сам, хотя ещё сидел на ковре, привалившись к дивану. Милана знала, как он терпеть не может, когда за него делают то, чему он уже научился, и подождала, пока из ворота покажется растрёпанная макушка. Лёва высунул одну руку и с досадой посмотрел на вторую, которая так и осталась в рукаве.

— Мам, она застряла. Я тут пальцами шевелю, а они не вылезают, — сказал он. Милана расправила подвернувшийся рукав, и сын сунул ладонь наружу, растопырил пальцы и несколько раз сжал их. Она подождала, что он скажет, но Лёва принялся искать на штанах карман, чтобы понять, где перед.

Когда он встал, вцепившись в её колено, Милана чуть не подхватила его на руки. Она уже видела, что ноги держат, а всё равно не могла без страха смотреть, как он переступает с ковра на пол. Лёва дошёл до двери сам и тут посмотрел на Романа, который отошёл, чтобы его пропустить. Рядом со Старовым сын казался таким крошечным в своей помятой пижаме, что Милана сама подала ему руку. Лёва взялся за неё и повёл на кухню, где ему наконец захотелось есть.

Она поставила перед ним хлеб и сыр, пока закипал чайник, и принялась мазать хлеб маслом. Его Лёва съел с середины, как делал всегда, оставив корки лежать на блюдце в масле. На третьей корке Милана машинально открыла рот, чтобы сказать, что там самый вкус, и промолчала. Пускай хоть из всех ломтей в доме выедает серединки. Она бы сейчас и сама за него все эти корки доела.

Чай Милана налила всем троим. Роман сел там же, где сидел до оборота, и Лёва мог видеть его через стол. Мальчик несколько раз украдкой поглядывал в ту сторону, а потом придвинулся к ней так, что задел плечом.

— Мам, а почему дядя чай не пьёт? — шепнул он и покосился на чашку, от которой поднимался пар. Милана только собиралась напомнить, что дядя сидит рядом и его можно спросить, когда Роман сам взял чашку за ручку.

— Горячий. Я подожду, — сказал он и поставил её обратно. Лёва наклонился над чашкой и подул на чай, который Милана уже разбавила холодной водой.

— А вы вот так подуйте. Я всегда так делаю, — посоветовал он. Роман подул и отпил, а Лёва снова придвинулся к матери, довольный, что подсказал взрослому, как надо.

Теперь ему хотелось рассмотреть гостя, и он поглядывал уже открыто, с тем серьёзным любопытством, от которого взрослым часто становилось неловко. Милана и сама весь вечер украдкой разглядывала Романа, хотя по самым разным причинам. За кухонным столом она впервые смогла задержаться взглядом на глазах, знакомых теперь и по волку. Роман заметил. Милана взялась за чашку и глотнула горячего чая, а Лёва отложил хлеб и заглянул под стол.

— А большой волк где? Он ушёл? Он хороший, — спросил Лёва и слегка повернулся к коридору. Милана подумала, что сейчас придётся объяснять всё сразу, и с удивлением обнаружила, что не знает даже, с какого слова начать. Она посмотрела на Романа.

— Я здесь. Ты меня на ковре видел, помнишь? — спросил Роман. Лёва снова заглянул под стол, где у гостя были самые обыкновенные ноги в носках. Потом принялся за хлеб, видимо решив, что с этим можно разобраться попозже.

— Иди пока поиграй, Лёв. Мы с дядей поговорим, и я к тебе приду, — сказала Милана и взяла у него пустую чашку. Сын сполз со стула и сам дошёл до коридора, где остановился и обернулся.

— А можно коробку открыть? Там красная машина, а у неё колесо отваливается, — сказал он. Милана разрешила взять и красную, и все, какие ему захочется, и вскоре услышала, как скрипнула крышка коробки. Впервые за эти дни по звуку она узнала, чем занят сын, хотя совсем его не видела.

Ей хотелось отнести чашки к раковине и посидеть с ним на полу. Хоть до ночи смотреть, как он возит машинки по ковру, и слушать, как ругается красный грузовик, у которого опять укатилось колесо. Ещё она хотела спросить Романа, всё ли уже позади, и от одного этого вопроса заранее становилось дурно. Он сидел здесь, пил чай и мог уехать в любую минуту, а она, как только Лёва заговорил, позволила себе поверить, что они останутся дома вдвоём и завтра у них будет самое обыкновенное утро.

— Теперь уже всё? Он ведь вернулся, — спросила Милана. Из комнаты донеслось Лёвино «би-би», и она сразу представила, как по утрам опять будет просить его гудеть потише, пока соседи спят.

— Этот оборот закончился. Теперь неделю за ним надо следить, — сказал Роман и поставил чашку на стол. Милана решила, что, наверное, ослышалась, и попыталась сообразить, как по его счёту сходятся дни.

— Он три дня пробыл волчонком. Получается, ещё четыре? — спросила она и увидела, как Роман покачал головой. За стеной скрипнуло колесо, которое Лёва всё-таки сумел приделать.

— Неделя с сегодняшнего вечера. Пока он привыкает, его может снова потянуть в зверя в любую минуту, — объяснил Роман. Милана покосилась на дверь, хотя голос у него был негромкий и Лёва за машинками вряд ли мог его расслышать. Оставалось ещё спросить то, о чём она уже начала догадываться.

— И если он обернётся, то опять не сможет вернуться? Даже после того, что вы сейчас сделали? — ей хотелось услышать, что второй раз сыну будет легче, и она уже приготовилась поверить в это с той же готовностью, с какой несколько минут назад поверила, что всё закончилось.

— Он может и не успеть понять, что с ним происходит. В пять лет ему пока трудно управлять зверем, — сказал Роман. Его спокойный голос удерживал её внимание, даже когда хотелось встать и сходить в комнату, просто чтобы убедиться, что там по-прежнему её любимый мальчик. — Пускай эту неделю побудет у меня. Если оборот начнётся, я буду рядом.

Лёва уже катил машинку по полу вдоль кухонной стены, и по дребезгу Милана узнала красную. Роман, если захочет, купит ему хоть целый магазин игрушек. Ему даже в голову не придёт собрать с собой эти, с ободранной краской и колёсами, которые надо поправлять. Что она станет делать, если он сейчас встанет и пойдёт за мальчиком? Кричать через всю квартиру, чтобы он оставил её сына? Лёва испугается, а Роман ведь уже назвал его своим.

— Вы хотите его увезти? Он у себя дома, вы видите, как он здесь себя чувствует, — сказала Милана и с досадой услышала, что заговорила громко. Из комнаты донеслось обычное Лёвино гудение, и она постаралась взять себя в руки, пока он в самом деле не прислушался.

— Он должен быть со мной, если это повторится. Я сумею помочь ему сразу, — твёрдо ответил Роман и посмотрел на неё с той уверенностью, с какой, наверное, смотрел на всех, кому сообщал, что нужно делать. Как ему удобно было сказать «должен» теперь, когда у него появился сын. У неё этот сын был с первого дня, включая все ночи с оборотом, за которые она теперь готова была отдать что угодно, лишь бы больше их не переживать.

— Я могу вам позвонить. Сегодня же вы приехали, — напомнила она. Последние слова дались тяжело, потому что она сама помнила, сколько времени прошло между звонком и стуком в дверь. Пока ждала Романа, успела пожалеть и о том, что назвала адрес, и о том, что не позвонила ему раньше.

— Вы можете заметить, когда он уже начнёт оборачиваться. К тому времени, как я доберусь, мне опять придётся возвращать его из зверя, — Роман подался к столу, и Милана услышала, как ножка стула скрипнула по полу. — Если я буду рядом с самого начала, успею его подхватить.

Милана представила, как Лёва просыпается у него дома, в чужой комнате, и зовёт её, как звал десять минут назад на ковре. В первый момент ей захотелось спросить, собирается ли Роман взять к себе и её. Она даже успела разозлиться, что приходится прикидывать, разрешит ли ей кто-то быть рядом с сыном. У себя дома она могла сама решать, кому здесь оставаться, и Роман, если уж ему так важно быть поблизости, прекрасно мог обойтись без своей кровати.

— Лёва останется дома. Если вам надо быть рядом, оставайтесь здесь, — холодно сказала Милана. Ей пришлось немного подождать, пока Роман осмотрит кухню, словно только сейчас обнаружил, что она заканчивается в двух шагах от стола. Милана уже собралась сказать, что диван вполне удобный, но вовремя сообразила, что так начнёт его уговаривать остаться. Она и так предложила ему всё, что могла.

— Где я буду спать? С дивана его слышно? — спросил Роман. Милана открыла было рот, чтобы напомнить, что тут ей решать, где спать её сыну, и с облегчением поняла, что вопрос был о другом.

— Слышно. Он же спит в соседней комнате, — ответила она. Роман кивнул, и Милана наконец вернулась к своему чаю. Он успел остыть, пока они разговаривали, а рука, которой она взялась за чашку, всё ещё мелко дрожала. Она успела выпить несколько глотков, прежде чем Лёва позвал из комнаты, и встала к нему с таким облегчением, словно это он придумал, как им всем здесь поместиться.

***

Роман вышел в прихожую и набрал Виктора. Утром у него было назначено несколько разговоров по делам рода, и ещё по дороге сюда он собирался только предупредить брата, что задержится, если понадобится остаться до утра. За кухонным столом он ещё представлял, как устроит мальчика у себя дома, где есть место обернуться и где они с Миланой могли бы спать по соседству с ним. Сейчас Роман стоял в двух шагах от входной двери и мог расслышать, как Лёва в комнате просит маму достать колесо из-под кровати. Отсюда и в самом деле далеко ходить не придётся.

— На завтра у меня встречи. Возьми срочные на себя, а остальные перенеси на следующую неделю, — попросил он, как только Виктор ответил. Роман припомнил ещё два дела,

которые можно было закончить и без него, и договорился утром прислать брату всё, что понадобится.

— На неделю? Ром, что случилось? — спросил Виктор. Ни слова о том, что именно ему теперь придётся двигать в своих делах, и Роман обрадовался, что сразу набрал его, хотя минуту назад собирался отложить звонок. Он заглянул в комнату, где недавно Лёва лежал перед ним, поджав лапы.

— Помнишь, я звонил тебе ночью и спрашивал про Костю? Я нашёл волчонка, Вить. Это мой сын. Ему пять, — сказал Роман, и из комнаты рядом опять донеслось гудение. Он уже успел привыкнуть к мысли о сыне, пока ехал сюда и пока лежал рядом с ним на полу, а теперь впервые говорил о нём человеку, который вчера спросил бы, откуда у него вообще взялся ребёнок.

— С ним сейчас всё в порядке? Ты с ним? — спросил Виктор. Роман приготовился отвечать на вопросы о том, откуда у него сын и как так вышло, что он узнал о нём только сейчас. Оказалось, брату пока хотелось знать то же, чего три ночи назад добивался от него сам Роман, разбудив звонком.

— Со мной. Он вернулся, ходит и разговаривает, но я побуду здесь, пока ему ещё может понадобиться помощь. И ещё я... — Роман осёкся, услышав из комнаты голос Миланы. «Лёв, подожди, я уже достала», — сказала она и рассмеялась, когда сын, судя по звуку, всё-таки полез под кровать.

— Что ещё? Ром, я слушаю, — отозвался Виктор. Роман мог сказать ему это одним предложением, и со старшим братом ему даже не пришлось бы объяснять, откуда такая уверенность. Но он представил, как Милана выходит из комнаты и слышит, что о ней говорит мужчина, которого позвала помочь ребёнку.

— Ладно, потом скажу. Как увидимся, всё расскажу, — ответил он. Из комнаты вышла Милана с колёсиком в руке, которое положила на полку повыше. Роман попрощался с братом, ещё успев услышать его «если что, звони», и убрал телефон.

В прихожей Милана поравнялась с ним, и от неё пахнуло сладкими печёными яблоками. Теперь Роман мог различить в этом запахе и липовый мёд, тот самый, что держался возле стола, пока она спрашивала, собирается ли он увезти Лёву. Сердилась она на него, похоже, до сих пор. Он хотел сказать ей, что всё устроил и действительно останется на неделю, но она уже открыла шкаф, чтобы достать постельное бельё.

— Держите. Подушка на диване, наволочка здесь, — сказала Милана. Он взял бельё, и зверю вздумалось сунуться носом к её плечу, как он уже сделал в комнате, когда Милана протянула руку. Роман вспомнил, с какой осторожностью она погладила его между ушами. Сейчас она отступила, чтобы пропустить его с бельём, и он прошёл, хотя с удовольствием остался бы рядом, придумывая, что ещё спросить про подушку.

Он знал, что она его истинная, ещё до того, как увидел. А каким образом можно сообщить об этом женщине, которая минуту назад всерьёз думала, что он уйдёт отсюда с её ребёнком? Можно было сесть с ней на кухне ещё раз и начать с того, что произошло на лестничной площадке. Рассказать, как он постучал в дверь и пока ждал, уже знал, кто ему откроет. Наверное, тут Милана спросила бы, что он имеет в виду, и ему пришлось бы сказать «моя истинная». Он уже слышал, как это «моя» прозвучит после их разговора о Лёве.

Роман расстелил простыню, и она едва прикрыла диван по ширине. Сейчас он мог спокойно подумать, почему ни на секунду не усомнился там, на лестнице. До того вечера ему никто толком не сумел объяснить, как это узнать. Он с юности слышал одно и то же от взрослых волков и в конце концов перестал спрашивать, потому что ответ у всех сводился к простому «сам узнаешь». Теперь и он, если бы Виктор попросил объяснить, мог бы только выругаться да повторить ему то же самое. На пороге чужой квартиры стоял человек, который по дороге

сюда знал об открывшей ему женщине один её голос, и уже ни одной будущей ночи не мог представить без неё.

Как вести себя с ней завтра, Роман пока понятия не имел. Лёве он мог предложить завтрак, пока Милана спит, если мальчик согласится принять его из рук незнакомого дяди. Мог спросить, какие игрушки ему нравятся, и выслушать все соображения насчёт красной машины. С Миланой хотелось остаться вдвоём, чтобы она хоть раз взглянула на него, не думая о том, зачем он приехал и куда собирается увезти её сына. Даже сейчас, когда он собирался уместиться на её диване, она наверняка всё ещё ждала, что утром он вернётся к своему решению и опять заведёт разговор о переезде.

Ему был известен способ, после которого с вопросом об истинности всё стало бы просто. Когда связь закрепится, ей уже и в голову не придёт жить вдали от него. Подумав об этом, Роман с неожиданной ясностью вспомнил, как Милана смотрела ему в глаза, когда говорила, что Лёва останется дома. Он сам привёз бы сына в свой дом, подыскал бы ему комнату рядом со спальней и счёл бы, что устроил всё как следует. Милана одним предложением разрушила этот порядок, и он впервые за день знал, где хочет провести ночь. От такого открытия ему хотелось усмехнуться. Сегодня она позволила ему остаться ради мальчика, а он уже представлял, как она сама однажды подойдёт к нему и поцелует.

Милана появилась у двери с наволочкой в руке. Та, о которой она говорила, осталась на полке в шкафу, и Роман, так и не начав устраивать подушку, подумал, что мог бы оставить эту мелочь на утро и всё равно заснуть. Теперь можно было попросить её задержаться, спросить хоть что-нибудь про Лёву, чего он пока не знал. Хотелось послушать, как она рассказывает про сына, когда у неё есть время договорить и никто не собирается у неё его забирать.

— Дядя же сам себе постелет, мам. А ты иди сюда, — позвал Лёва из соседней комнаты. Милана улыбнулась в сторону двери, и Роман успел увидеть эту улыбку, прежде чем она ушла. Наволочка осталась на диване возле подушки.

Он услышал, как она спросила сына, хочет ли он ещё чего-нибудь, и Лёва ответил так тихо, что Роман разобрал только мамин голос. «Я уже сижу. Закрывай глазки, я здесь», — сказала Милана. Роман лёг и подтянул ноги, чтобы поместиться на диване. Зверь за весь вечер впервые улёгся вместе с ним. За стеной сын ещё что-то говорил матери, всё тише и с длинными остановками, а Роман слушал и радовался каждому слову, которое пока мог разобрать.

Глава 5

Роман проснулся, когда кто-то наступил на край простыни, свисавший с дивана. Он открыл глаза и увидел Лёву. Тот стоял босиком на ковре и разглядывал его с таким вниманием, что Роман сперва подумал, успел ли он толком застегнуть рубашку, прежде чем лечь. Потом Лёва заметил, что за ним тоже наблюдают, и переступил с простыни на ковёр.

— Я посмотреть пришёл. Вы ещё тут, — сообщил он. Кажется, теперь, когда выяснил всё, что хотел, Лёва собирался уйти. Роман сел, а мальчик остался на месте и посмотрел, как тот сдвигает к стене подушку.

— Мама ещё спит? Ты сам проснулся? — спросил Роман. За окном уже было светло, а в квартире он пока слышал только Лёву. Вчерашней ночью, когда мальчик долго не засыпал, Роман успел выучить, откуда ждать его голоса, и теперь с удивлением слушал его совсем рядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.